

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Однажды я случайно уронил свою записную книжку на трюмо и в зеркале обнаружил неожиданную трансформацию. Алфавит раскрытой книжки начался... не с привычного — от А до Я, а как бы наоборот, с конца — от Я до А...

Эта книга — своего рода такая ненормальная записная книжка, ее можно (и даже нужно!) читать с любого места, в любом порядке, с любой буквы.

В искусстве не может быть строгого порядка, равно как и абсолютного хаоса, поэтому все-таки есть деление на главки. Это не мемуары, не занудные теоретические исследования, а момент точечной фиксации, некое интерактивное, связанное со мной, в ускользающем театральном процессе.

Поэтому да простит придирчивый читатель вашего покорного слугу за то, что начинается этот «бисер» с буквы «Я» (вроде бы нескромно). Но это коварные шутки моего трюмо...

Я

Все-то вы обо мне знаете!

Я стабильный вахтанговец, щукинец. Окончил два факультета Щукинского училища — актерский и режиссерский. Был главным режиссером Театра на Малой Бронной, но многие годы работаю и на других сценах. Сейчас служу в Малом театре. Я вахтанговец не столько по сути, сколько по определению. Ставлю странные, сложные, порой эпатирующие, шокирующие спектакли, но всегда серьезное внимание уделяю форме. Я люблю форму. Мои постановки могут раздражать скандальностью темы, но я стараюсь делать их красивыми, эротичными, музыкальными. Даже самое страшное должно быть окутано необъяснимым флером тайны, загадки.

Наверное, я подписываю контракты за контрактами, потому что люблю «картинку» менять. Утром репетировать одно, днем — другое, вечером — третье. Вот на мне: жилетка, рубашка, шарф, очки на цепочке, еще целая куча всего... Люблю создавать комфорт себе и окружающим. Профессия такая. Должен быть богемным человеком. Иногда целый день репетиция, а вечером — прием. Поэтому темные джинсы. Чтобы в любой момент сесть на пол и рассказать актерам сцену. Жизнь — сиюминутность ощущений. Я должен получать удовольствие от всего. Пролил на дорожные брюки чашку кофе — класс!.. Ведь я общаюсь с каким-то интересным человеком, мне наплевать

на брюки — передо мной личность. Конечно, при такой жизни уловить момент амбивалентности познания тяжело. Но я стараюсь. Иначе ничего не получится. А я все-таки хочу, чтобы зритель пришел в театр и оставил все проблемы за порогом, девственно готовый к новому. Для этого я существую, для этого созданы актеры.

Как много выходит из чашечки кофе...

Дирекция театра по-прежнему указывает мне, что лучше, а что хуже. Они утверждают, что имена Дягилева, Стравинского, Бакста, Кокто, Бенуа, Нижинского сегодня никому не интересны. Я понимаю, что тинейджеры не знают Кокто. Ну не знают — так узнают! В этом и прелесть. Переосмыслить известную историю всегда интересно. Я считаю, что хрестоматийные произведения можно ставить, только изменив временные акценты. О потенциальных исполнителях обычно ничего никогда не говорю, пока приказ не будет висеть на доске объявлений в театре. А то опять обвинят в чем-нибудь. В чем? Да во всех смертных грехах! Что быстро работаю... Что куча проектов... Что ничего не боюсь... Но мое оправдание — мои аншлаги. Говорят, что я злоупотребляю бенефисами — Жженов, Ширвиндт, Яковлев, Гурченко, Полищук, Дуров, Талызина, Дробышева, Терехова, Козаков, Касаткина, Быстрицкая, Аросева, Васильева... А то, что давно работаю с молодыми актерами, все забыли. Уже есть мое поколение актеров, ставших мастерами: Саша Домогоаров, Сережа Чонишвили,

Андрюша Соколов, Лариса Кузнецова, Марина Зудина, Саша Балугев, Андрюша Ильин, Олежек Фомин, Коля Фоменко, Гена Таранда, Алена Яковлева... Мне они интересны, я их продвигаю и буду продвигать. Есть и следующее поколение: Безруков, Егоров, Крюкова, Макаров, Никифоров, Чиповская, Дюжев, Заворотнюк, Страхов, Чернышев, Долинская, Дривень... Но и звезды, бывает, гаснут.

Что значит для звезд не чувствовать себя забытыми? Особенно для актрис: «Сейчас я никому не нужна...» А я предлагаю стать нужной, предлагаю бешено работать. Я просто режиссер. Да, я так выгляжу. Да, я сумасшедший. Да, со мной тяжело. У меня столько было приключений в жизни, что о-го-го...

ЯКУТ

Я никогда не отказывал нашим прославленным Мастерам-актерам в бенефисе: Смоктуновский, Жженов, Яковлев, Гурченко, Талызина, Васильева, Терехова, Клюев... Есть своя мистическая причина — когда-то, когда я еще был начинающим режиссером, у меня прямо на премьере спектакля «Калигула» по Альберу Камю умер великий ермоловский старик, народный артист СССР, последний мастодонт старой школы Всеволод Семенович Якут.

Потом я понял, что он ко мне приглядывался, как будто что-то решал для себя... Я только что пришел к ним из «Современника» и сразу поставил

«Снег. Недалеко от тюрьмы» по пьесе знаменитого тогда диссидента Коли Климонтовича. Якут был членом худсовета, спектакль приняли, мы готовились к премьере. И вдруг я увидел его на премьере, поймал его внимательный взгляд. После окончания спектакля он подошел, очень сдержанно поздравил и сказал странную вещь: «Молодые хорошо держат мяч. Хорошо и необычно. Я вижу, как вы готовились». Потом он пришел на второй показ, затем на третий... Ведь это его совершенно не обязывало ни как члена худсовета, ни как актера театра. Но он приходил и все вглядывался, вслушивался в реакцию зала. Это и был, как я потом почувствовал, его путь к «Калигуле»...

Он убил меня на первой же репетиции, когда пришел и сказал: «Андрюша, я решил, что у меня будет легкая характерность». Я говорю: «Всеволод Семенович, ну и какая же такая легкая характерность?» — «Я буду играть маразматика лет ста». Я посмотрел на восьмидесятилетнего Якута, у которого такой легкий пушок на голове, и спросил: «Вам это поможет?» — «Да. Вот сюда, — показывает на щеку, — мы приклеим бородавку; у меня будет трястись челюсть, я буду все время переспрашивать, я буду как бы глухой...»

Мы договорились, что право на импровизацию будет только у него, что в любой момент он может переспросить любого в этой своей «характерности». Это выходило необыкновенно сильно. Вот идет действие. Непредсказуемый Калигула (Алек-

сандр Балувев) держит всех в постоянном страхе. Патрициев ночью поднимают с постелей, сгоняют вместе. «Он всех заставляет думать...» — звучит важная, смысловая реплика. И тут Якут укрупняет фразу, обрамляя ее бесконечными паузами и своим дребезжащим, старческим голосом. «Что? — переспрашивает он. — Что?!» Ему отвечают: «Он всех заставляет думать!..»

Как он держал паузу, особенно в эпизодах, где его Старый патриций придуривается и тянет время! Все на мимике, буквально на воздухе, иной раз это просто напоминало какое-то немое кино. Вот, чтоб не соврать, пять минут держали паузу благодаря Якуту. Кстати, после его «чтоканья» идет кусок, который мне пришлось вымарать впоследствии. Я сделал это, когда мы решились на ввод Александра Пашутина, заменившего умершего Якута. Там было так: патриции видят выставленные на всеобщее обозрение орудия пытки, и вдруг Старый патриций произносит, дрожа: «Я... я не хочу умирать». После смерти Всеволода Семеновича артисты — а до Пашутина была кандидатура Льва Борисова — отказывались произносить этот текст. После смерти Якута нас долго окружала атмосфера какого-то страха и суеверия, и когда мы решились возобновить спектакль, мне, как я уже сказал, пришлось выбросить все реплики, связанные со смертью. И мертвый Якут стал невидимо помогать этому обезглавленному спектаклю. Я первый понял это и объяснил актерам.

Мы играли спектакль в годовщину смерти Всеволода Семеновича, развесили в фойе его фотографии, и я сказал Пашутину: «Саша, не волнуйся, он обязательно поможет». И я помню, как остановился барабан маэстро Марка Пекарского, работающего в спектакле «живьем», — остановился, показавшись в сторону маленького ребенка... Я знаю, что мой зритель, пусть этих людей не так много, тоже чувствует такие вещи.

После смерти Якута я много думал о нем. Зачем ему нужна была эта характерность столетнего маразматика? Конечно, он хитрил, то есть не он, а его персонаж. Когда нужно было что-то не услышать, он играл совершенную развалину, однако в «момент истины» все понимал с полуслова. Точно так же, как наши кремлевские «аксакалы»: когда им было выгодно симулировать маразм, они блестяще делали это, но вот когда требовалось жесткое решение, оно принималось четко и быстро — как ввод войск в Афганистан, например. По-моему, Якут чувствовал все это, хотя борца с системой из себя никогда не корчил...

Много ходило легенд о его хитрости, об умении приспособливаться. Я много слышал о нем нелестного и думаю, что для этого были какие-то основания. Но меня это мало интересовало, тем более что я встретился с ним в тот «период», когда Якут как-то потеплел, что ли. Говорят, что раньше он таким не был — безумно щедрым и беззащитным одновременно, не требовал никаких машин после

спектакля... У него была единственная привилегия: после репетиции он обожал три-четыре минуты тянуть одеяло на себя, не мог уйти без оценки его сегодняшней работы. «Нет-нет, Андрюша, — говорил он мне, — не надо. Не может быть, чтобы вас все устраивало...» Он был человеком другой актерской школы. Например, он много репетировал дома, чего почти не делают современные актеры — они приходят на репетицию «как белый лист», так вроде живее будет. Я убежден, что все эти его «м-м-м», «эм-м...», все потягивания носом, повороты головы — все это готовилось дома. Он приносил кипы рисунков своего персонажа, он замучивал своего режиссера, он замучивал костюмеров выбором булавок для галстука...

Когда-то он был безумно популярен. Свою знаменитую роль — роль Пушкина — он действительно сыграл невероятное количество раз, около тысячи, по-моему. Всеволод Семенович перестал играть Пушкина, когда ему было уже за пятьдесят. Большие артисты — это же всегда легенды, половина которых талантливо выдумана. Якут принадлежит к тем, кого называли «актерами с тростью», — их было всего двое в Ермоловском: он и Соловьев. Они обожали идти по Тверской пешком, отвечать на приветствия, раскланиваться...

Конечно же, он был продуктом системы. В конце концов, роль Старого патриция, управляющего дворцом, в «Калигуле» не зря принадлежала ему. Это был человек интриги, в каком-то смысле и вправду

хищник... Но у хищника есть порода, здесь все испукал талант. Отсюда, наверное, и все эти анекдоты о том, как Всеволода Семеновича выдвигали на Сталинскую премию и присланный чиновник никак не мог понять, о чем, собственно, идет речь. Он спрашивал: «Как зовут этого актера?» Ему отвечали: «Якут». «Я пока еще анкету не заполняю, товарищи. Какая фамилия?» — «Якут». — «Что такое? Нет, с этим надо что-то делать...» Понятно, что на самом деле его фамилия была Абрамович (с ударением на «о»). Только это ничего не меняло, а свой маленький вызов у Якута оставался.

На репетиции «Калигулы» он рассказал мне страшную историю из своей жизни: как его однажды спасла Сталинская премия. Он отдыхал в Крыму с одной из своих первых жен — а жизнь у Якута, замечу, была чрезвычайно бурная, — и они прогуливались по набережной: вальяжный ермоловский артист и его красавица-жена. Накрапывает дождик, он — в плаще, над женой — зонт. Вдруг подлетела черная «эмка», и два амбала, без лишних слов оттолкнув артиста, тащат его жену в машину. В Крыму тогда отдыхал Берия, это был один из его коронных номеров. Якут рванул двери машины, куда уже затолкали его жену, на которую Лаврентий Палыч успел положить глаз, и, распахнув плащ, прикрывавший пиджак, обнажил профиль Сталина на лауреатском значке. «Я — лауреат Сталинской премии. Вот он — Иосиф Виссарионович!!!» — загремел его выдающийся го-

лос. На какие-то секунды ослепленные профилем хозяина сволочи растерялись. Якут схватил полуживую Беллу и вытянул ее из машины. Вокруг стал собираться народ. Это было талантливо, эффектно — как он сыграл, какие были интонации!.. Потом, конечно, он трясся, но все обошлось.

А все эти истории — как он пил, как умел сидеть до утра и через два часа после ухода являться на репетицию свежим, в накрахмаленной сорочке? Как и многие, он шел на компромиссы в этой жизни, вступал в определенные отношения с режимом, понимал, что такое «выживание». Но я уверен, что он все чувствовал. Он был точно ВДНХ с ее скульптурами — вечный актер в «Пушкине» и «Костюмере», народный, старый... И было очень странно, что после всей этой бурной жизни, уже на закате, в старости, он обрел какое-то новое качество, новый взгляд на вещи, на людей. Он согласился встречать свое восьмидесятилетие пьесой какого-то чуждого ему экзистенциалиста... Трудно поверить, но после первого разговора о «Калигуле» я услышал от него следующее: «А вы думаете, у меня получится?..»

У него получилось.

А у меня до сих пор в глазах стоят его красные предплечья. «Андреевцы» и особенно «андреевки» не могли простить уход к Валерию Фокину (в театре произошел раскол) и за кулисами щипали его: «П-предатель!..» А в свое время он, между прочим, принимал их в театр. Вокруг него ссорились люди, прожившие всю жизнь бок о бок с ним. Он очень

сильно переживал этот раскол, но ушел к молодым, когда пришлось делать выбор. Он чувствовал, что за ними будущее. Иногда я думаю: хорошо, что он не узнал о сегодняшней ситуации, когда Фокин бросил коллектив, бросил тех, кто когда-то отстоял, отбил его перед Минкультом... Все-таки Якут ушел с ощущением перспективы.

Я никогда и никому не рассказывал об этом дне, о том, как это было, потому что событие это несет в себе такую смесь горечи, ужаса, какой-то непонятной мистики. Должно было пройти время для осмысления. Ну как пересказать, когда остались лишь фотографии, сделанные Сашей Кочкиным в тот премьерный день, третьего марта девяносто первого года, — запечатлевшие человека, который умрет через полчаса после щелчка камеры? Один счастливый момент: все-таки премьера была, и он получил все оvationи, все цветы. Он все успел — и это еще страшнее, еще трагичнее.

И ведь мы, и он сам никого (зрители уже покинули зал), грубо говоря, не успели напугать: Якут ушел со сцены, разгримировался, терпеливо подождал, пока ребята составят столы для маленького банкета. Он все успел, ему не пришлось, как умирающему Миронову, договаривать свой финальный монолог Фигаро в машине скорой помощи — он договорил его на сцене.

Рассказывают, что Якут успел позвонить жене, предупредить, чтоб она не волновалась, что его отвезут домой на машине... Он еще шутил что-то,